

УДК 159.923

ВИКТИМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ

Д. С. МУЗЫЧЕНКО¹⁾

¹⁾Больница паллиативного ухода «Хоспис», пр. Партизанский, 73А, 220107, г. Минск, Беларусь

Обсуждаются различные проявления виктимизирующего опыта. Представлены систематизация, а также теоретические и эмпирические основания разграничения виктимизации. Отмечено, что существующие виды виктимизации сопоставляются с точки зрения прогностических параметров и влияния на личностные черты. Соотнесены показатели потенциально выявляемой склонности к виктимному поведению с фактическими данными о виктимизации. В результате исследования обнаружена корреляция между особенностями адаптации (предпринятой в ситуации виктимизации) и высоким уровнем склонности к определенному виду виктимного поведения. Выявлено, что усвоенные в межличностном взаимодействии и социализации паттерны связаны с установками готовности к активному созданию или допущению угрозы причинения себе вреда. Подчеркивается, что повышенная уязвимость зависит от формирующейся модели регуляции взаимоотношений со средой. В качестве опосредующего звена рассматривается изменение приоритетов в иерархии мотивационно-потребностной сферы. Закрепившиеся личностные черты, оказавшись функциональными в условиях виктимизации, объединяют опыт адаптации.

Ключевые слова: виктимное поведение; личностные факторы; опыт виктимизации; ситуационные факторы; адаптация.

VICTIM BEHAVIOUR AS A FUNCTIONAL ADAPTATION

D. S. MUZYCHENKO^a

^aHospital for Palliative Care «Hospice», 73A Partyzanski Avenue, Minsk 220107, Belarus

The various manifestations of victimisation experience are under discussion in the article. Proposed systematisation, theoretical and empirical grounds of distinction of victimisation. The existing types of victimisation are compared in terms of predictors and impact on personality traits. The indicators of potentially detectable propensity to victim behaviour are

Образец цитирования:

Музыченко ДС. Виктимное поведение как функциональная адаптация. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2022;1:82–91.

For citation:

Muzychenko DS. Victim behaviour as a functional adaptation. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2022;1:82–91. Russian.

Автор:

Диана Сергеевна Музыченко – психолог.

Author:

Diana S. Muzychenko, psychologist.
17p-holmes@rambler.ru

related with the factual data of victimisation. According to the results of the study, a correlation was found between the features of adaptation undertaken in a victimisation situation and a high level of propensity for a certain type of victim behaviour at the current time. The patterns learned in the interpersonal interaction and socialisation are associated with the attitudes of readiness for the active self-harm creation or allowing a threat. Increased vulnerability comes from the forming model of regulation of relationships with the environment. The change in the hierarchy of priorities in the sphere of motivation and needs is considered as a mediating link. Established personality traits integrate the adaptation experience, being functional in a circumstances of victimisation.

Keywords: victim behaviour; personality factors; victimisation experience; situational factors; adaptation.

Введение

Ситуация виктимного поведения представляет собой совокупность факторов, требующих определенного реагирования. Предпринимаемая адаптация зависит от задач, обусловленных обстоятельствами и особенностями межличностного взаимодействия. Такое приспособление может осуществляться ценой полной мобилизации ресурсов и на пределе возможностей, а также с точки зрения полноценной социализации выглядит лишь относительно успешно. Действия, затрудняющие биопсихосоциальную адаптацию, исследователи обосновывают как нарушения поведения. Деструктивность (причинение вреда себе либо другим) составляет критерий дезадаптации [1]. Однако, несмотря на издержки, поведение может иметь определенную результативность для личности (выполнять свою функцию). На наш взгляд, виктимность, как специфический способ действия, выступает средством или условием реализации значимых потребностей. В современных подходах понимание виктимного поведения сводится к утрате субъектности в жизнедеятельности [2], хотя психологическая адаптация охватывает мотивационно-волевую и когнитивную сферы, включая мотивацию, постановку цели, выбор средства, стратегии. Акцентируемые в субъектно-средовом подходе низкая самооффективность и внешний локус контроля виктимной личности могут следовать из опыта пребывания в виктимизирующих обстоятельствах, сужающих круг доступных способов достижения целей. Смещение усилий и приоритет компенсаторно первоочередного характера (при пренебрежении или сознательном жертвовании другими потребностями) также можно объяснить выделяемым в качестве признака виктимного поведения сужением психологического пространства и сфер жизни человека. В то же время личностная потребность становится наиболее уязвимой, легко травмируемой для дальнейшей виктимизации.

Таким образом, поведенческая готовность обеспечивает поддержание определенной иерархии приоритетов и находит отражение в выстраиваемой

линии поведения. Модель объединяет в себе закрепившиеся паттерны, оказавшиеся полезными в опыте адаптации. Привычные поведенческие шаблоны, на которые полагается личность, могут составлять сценарий разрешения ситуаций в дальнейшем.

Сегодня научно признаются долгосрочные эффекты перенесенного в юном возрасте насилия, которые проявляются в возникновении определенных убеждений и поведенческих моделей взрослой жизни, а также последствий для соматического и психического здоровья, таких как нарушения работы мозга, иммунных реакций, обмена веществ и провозирование воспалительных процессов¹.

Отнесение определенного опыта к факту виктимизации затрудняет классификацию ее типов и соответствующих им действий агрессора. Виды виктимизации часто объединяются в обобщающие категории на основе эмпирических выводов. Некоторые исследования не выявляют отдельных факторов или статистически значимых различий в корреляциях видов виктимизации, что, однако, нередко обусловлено спецификой изучаемой группы и возрастной динамикой в проявлении тех или иных форм. Для разграничения форм причинения вреда используются различные основания. Соответствующий вывод сделан в результате Национального исследования по оценке ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь. По его итогам рекомендуется восполнить пробелы в определении видов насилия на уровне законодательства [3].

По области осуществления насилия можно выделить следующие виды виктимизации: физическую, сексуальную, вербальную, имущественную, реляционную, кибербуллинг, замещающую. По направленности деструктивного воздействия независимо от содержания насильственных действий виктимизация может быть прямой (физической, имущественной, вербальной), косвенной (реляционной; иногда сюда относят кибербуллинг), опосредованной (замещающей). Осуществляемым лично формам агрессии, называемым традиционными или

¹Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь : крат. отчет по результатам исслед. // Дет. фонд ООН (ЮНИСЕФ) [Электронный ресурс]. 2018. 44 с. URL: <https://www.unicef.by/uploads/models/2018/04/unicef-belarus-vac-report-2018.pdf> (дата обращения: 30.06.2020).

буллингом лицом к лицу, противопоставляют запугивание, которое происходит в интернете (кибербуллинг). На основании установок жертв и типов выбираемых ими ситуаций виктимизация может быть классифицирована по модели поведения на следующие виды: агрессивная, самоповреждающая и саморазрушающая, гиперсоциальная, зависимая и беспомощная, некритичная.

Исторически сложилось, что физическая виктимизация исследовалась больше, чем другие менее явные формы. Это связано с тем, что она влечет за собой риск нанесения серьезных травм. Большинство действующих сегодня программ по борьбе с издевательствами в школах сфокусированы на противодействии именно физическому насилию, что позволяет в значительной степени его контролировать. Поскольку в западной психологии виктимизация изучается в основном в контексте психологии образования, физическая виктимизация со стороны сверстников, как правило, рассматривается в исследованиях не самостоятельно, а наряду с другими, более распространенными формами. Белорусские психологи также отмечают, что реже всего учащиеся подвергаются физической агрессии [4].

Физическая виктимизация представляет собой контроль, оскорбление кого-либо, причинение ущерба кому-либо посредством физической силы или шантажа ее применения [5], т. е. инструментом издевательства является физическое повреждение [6]. В своем наиболее остром проявлении она принадлежит к категории физической насильственной виктимизации, включающей угрозы или нападение с оружием, а также физические атаки с намерением причинить вред или убить [7]. Ввиду того что по статистике подростки 12–17 лет значительно чаще, чем взрослые, становятся жертвами насильственных преступлений, также выделяется понятие уличного насилия, которое выражается в нападениях со стороны сверстников и связано в том числе с нанесением травм [8]. Согласно показателям белорусской выборки наиболее высокая распространенность физического насилия в местном сообществе фиксируется на этапах обучения в 8–10-х классах школы и профессионально-технических колледжах². Изучение данной ситуации в учебных учреждениях показало, что виктимизация чаще всего операционализируется как те или иные физические выпады (удары, толкание, шлепки, пинки рукой или ногой). В отдельных исследованиях напрямую подчеркивается следующее: эмпирическое измерение опыта виктимизации не предполагало испытания именно тяжелых форм физического и сексуального насилия, что может также иметь значение для специфики выводов о его влиянии. В бе-

лорусской школьной среде причинение физической боли, удары по рукам, пощечины или подзатыльники представляют собой наиболее распространенные формы физического буллинга [9].

Сексуальное насилие иногда относят к разновидности физического насилия. Притеснение включает как физические аспекты (прикосновение в сексуальной манере, стягивание одежды, попытки поцеловать или обнять), так и психологические (обзывание или навешивание ярлыков, в том числе называние геем, лесбиянкой и т. д.), кроме того, сюда относят проявления публичной демонстрации (распространение сексуальных слухов о жертве, публичное комментирование привлекательности или непривлекательности и т. д.) [10]. В рамках образовательных учреждений инициаторами буллинга выступают одноклассники и старшеклассники [3]. При сексуальной виктимизации домогательства используются как способ утверждения доминирования в отношении уязвимых сверстников, а также как средство усиления асимметричных отношений власти [11]. Мониторинг ЮНИСЕФ позволил проследить тенденцию коморбидности подверженности сексуальному насилию с нанесением себе травм (в 25 % случаев) в сравнении с перенесенным насильственным опытом других видов (у 7 % жертв)³.

По мнению некоторых авторов, вербальная виктимизация – один из наиболее существенных способов издевательства над личностью. В случае вербальной агрессии инструментом вреда служит психологическое насилие [5]. Жертва подвергается словесному нападению (оскорблениям, унижениям, угрозам, обзыванию и навешиванию ярлыков). Основной целью вербальных издевательства является разрушение самоуважения жертвы [12]. Исследование, проведенное в Беларуси, показало, что данная форма преобладает среди школьников [4; 13]. Помимо того, с взрослением учащихся в школах отмечается повышение агрессии в форме психологического насилия со стороны учителей и администрации [3].

Имущественная виктимизация предполагает преднамеренное уничтожение или повреждение имущества, использование его без разрешения или отказ его вернуть [14]. В психологической литературе не представлено какого-либо эмпирического подтверждения роли такой виктимизации в формировании отличительных личностных черт жертвы. Рассмотрение соответствующего круга проблем традиционно было прерогативой юридических наук. Однако отмечается, что по причине фрагментарного подхода в исследованиях некоторые другие виды виктимизации обычно игнорируются и недооцениваются, поскольку испытуемых о них не спрашивают специально [15]. В частности, показано прямое

²Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь... 44 с.

³Там же.

влияние имущественной виктимизации на такой компонент суицидального риска, как депрессивность подростков, наряду с эффектом чувства вины и вербальной агрессией сверстников [16]. Белорусские исследования указывают на большое количество случаев нападений на собственность, однако на регулярной основе данная форма виктимизации более распространена во взаимоотношениях российских школьников [9; 13].

Существует несколько типов косвенной агрессии: косвенная, реляционная и социальная. Косвенная агрессия – манипулятивное использование агрессором круга контактов для причинения вреда определенному человеку без личного вовлечения в нападение. Реляционная агрессия представляет собой нанесение вреда посредством целенаправленного разрушения отношений сверстников. Социальная агрессия может принимать прямые формы вербального отторжения, недоброжелательной лицевой экспрессии или пантомимики либо косвенные формы, такие как порочащие слухи (клевета) или социальное исключение в целях нанесения ущерба самооценке и социальному статусу жертвы [17]. На основе эмпирического анализа все три формы обнаруживают общность черт и статистически значимые отличия от других видов виктимизации (физической, вербальной). Для уменьшения вариации и разночтения термина создана интегрированная конструкция косвенной виктимизации [5]. Таким образом, косвенная агрессия – это альтернативная прямой агрессии стратегия, целью которой является социальное исключение жертвы или нанесение вреда ее социальному статусу. Она предпринимается, когда издержки для прямой агрессии высоки [18]. Случаи, в которых учащиеся становятся жертвами социального манипулирования, характерны в большей степени для российской школьной среды [13]. В белорусской популяции явления психологического насилия более актуальны в опыте девочек⁴.

Кибербуллинг представляет собой относительно новое явление (метааналитические обзоры не обнаруживают статей, опубликованных до 2004 г.) и как вид виктимизации получил известность в средствах массовой информации из-за случаев самоубийства подростков в результате преследований в интернете [19]. Кибервиктимизация – это попытки расстроить человека или причинить ему ущерб, используя электронные средства связи (чаты, электронные письма, блоги, веб-сайты, например *Facebook* или *YouTube*) [20]. Несмотря на то что в исследованиях данный вид виктимизации противопоставлен традиционным видам, он обладает признаками, схожими с признаками косвенной виктимизации. Во-первых, оба вида связаны с посягательством на

психологическое личное пространство и безопасность информации, предполагающей ограниченный доступ, при этом абсолютно не нарушаются физические границы комфорта индивида. Во-вторых, в обоих случаях возникает невозможность контроля самопрезентации в социуме и целенаправленного выстраивания взаимоотношений. В-третьих, оказываемое воздействие пролонгировано, так как не ограничено временем предпринятых действий и рамками ситуации, а также субъективно воспринимаемо, что делает объективную оценку ущерба недоступной. Данные белорусских исследований показывают, что до 18,2 % учащихся 8–11-х классов сталкиваются с актами агрессии в социальном пространстве интернета⁵.

Из-за отсутствия единства терминологии в исследованиях используются понятия «косвенная виктимизация» и «непрямая виктимизация». Как уже отмечалось, под косвенной виктимизацией подразумеваются различные формы скрытой агрессии и манипуляций в отношениях (реляционная виктимизация) в противоположность открытым и явно наблюдаемым формам (физической, экономической, вербальной виктимизации). Тем не менее некоторые авторы употребляют данный термин исключительно для обозначения замещающей виктимизации. Новой тенденцией выделения опосредованной или замещающей виктимизации выступают свидетельство насилия либо знание о виктимизации других [21; 22]. Считается, что наблюдение нарушений стандартов справедливости может быть столь же существенным для формирования обобщенных негативных ожиданий в отношении благонадежности других, как и собственное их испытание [23]. С одной стороны, акты непосредственной виктимизации имеют серьезные физические и эмоциональные последствия, более вероятно могут рассматриваться как несправедливые, что увеличивает их значение по сравнению с опосредованной виктимизацией [24]. С другой стороны, опыт свидетельства виктимизации имеет особое влияние в условиях, способствующих сопереживанию потерпевшего, например, когда издеваются над членом семьи, близким другом или соседом жертвы, эксплуатируют его или иным образом плохо обходятся с ним [23]. Возникающее напряжение может усиливать девиантное поведение среди подростков в попытке справиться с нежелательными стрессовыми переживаниями и негативными эмоциями [21]. Ранее нами была показана взаимосвязь между факторами социализации и индивидуальными виктимными установками [25].

По результатам исследований, помимо общих факторов (повышенной склонности к депрессии и меньшего количества друзей), увеличивающих

⁴Оценка ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь... 44 с.

⁵Там же.

вероятность форм открытой агрессии, прослеживаются прогностические параметры, которые специфически предсказывают уязвимость к определенному виду виктимизации.

Физическая виктимизация больше свойственна мужскому полу и прогнозируется снижением просоциального поведения [19]. Она представляет собой риск в связи с комплексным снижением различных показателей самооценки (социального принятия, академической компетентности и спортивных способностей) [6], а также в связи с развитием вторичных девиаций (использованием психоактивных веществ [26], суицидальным поведением [27], присоединением к антиобщественной группе сверстников [19]).

Сексуальная виктимизация имеет гендерную специфику форм проявления [10]. Она может как вызывать психические симптомы, так и провоцироваться ими. Эта виктимизация взаимосвязана с показателями депрессии [11], а также с соматическими симптомами, самоповреждающим поведением [10].

Вербальная виктимизация является наиболее распространенной [19], коррелирует с высоким социально-экономическим уровнем окружения, этнической принадлежностью и контекстом культуры, параметрами психологического климата [5].

Имущественная виктимизация обнаруживает связь с повышением уровня дистресса [15], однако недостаточно освещена с точки зрения самостоятельной специфики воздействия и психологических

последствий. Она снижается с возрастом, хотя некоторые формы преобладают среди учащихся старшей школы [28].

Реляционная виктимизация считается самой пагубной [29], поскольку затрагивает проблему базового доверия [23], наиболее вероятно предсказывается увеличением просоциального поведения [19], коррелирует с низким социально-экономическим статусом окружения [5]. Она стимулирует снижение позитивных представлений личности о себе в сфере социального принятия и оказывает более неблагоприятное влияние на лиц мужского пола [6].

Кибервиктимизация, в отличие от традиционных видов, не прогнозируется повышением склонности к депрессии, коррелирует с воспринимаемым сверстниками ростом целей социального доминирования [19]. В связи с отсутствием физических ограничений местом и временем нахождения жертвы она приводит к наиболее генерализованным негативным убеждениям (социальной угрозе, собственной несостоятельности, враждебности) [30].

Замещающая виктимизация может характеризоваться более низким уровнем бытового социально-экономического статуса семьи, низкой родительской эффективностью и изменением места жительства [22]. Ее воздействие связано с риском использования подростками психоактивных веществ в краткосрочной перспективе [24] (вариации факторов в рамках нормального развития могут влиять на исчезновение корреляции, тогда как возникновение девиаций проявляет данную связь).

Материалы и методы исследования

Выборку составили 305 респондентов 16–18 лет: 162 юноши и 143 девушки, из которых 105 оканчивают 11-й класс, 200 обучаются в средних специальных учебных заведениях. В исследовании участвовали представители восьми районов Минской области, отличающихся уровнем социально-экономического благополучия (высокий, относительно высокий, средний, низкий). При этом 47 % испытуемых были определены как виктимные, остальные имеют значение контрольной группы.

В представленной части результатов используются материалы структурированных самоотчетов об опыте виктимизации и показатели стандартизированного опросника «Склонность к виктимному поведению», который отражает убеждения и диспозиции, определяющие индивидуальную уязвимость. В основу вопросов самоотчета положены рекомендации сборника инструментов для оценки виктимизации Национального центра профилактики и кон-

троля травматизма NCIPC [31]. В ходе исследования получены интересующие индикаторы обстоятельств, поведенческих и эмоциональных реакций, самоинтерпретации, последствий, которые кодировались в номинальные и порядковые шкалы для обработки методом корреляционного анализа. Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена интерпретированы при достоверности $p \leq 0,01$ или $p \leq 0,05$.

Согласно нашей гипотезе факторы ситуации виктимизации могут оказывать воздействие на личностные черты, выявляемые в юношеском возрасте. Сходство особенностей опыта адаптации и установок личности рассматривается как их взаимовлияние. Исследование направлено в большей степени на выявление причин (мотивации) поддержания модели поведения в дальнейшем, тогда как приводимый анализ факторов, на которые она изначально была ориентирована, необходим для понимания субъективной целесообразности, оправданности для личности.

Результаты и их обсуждение

Выраженность гиперсоциальных виктимных черт связана с опытом тех или иных форм социальной виктимизации (с элементами кибервиктимизации

и имущественной виктимизации) и трактуется следующими утверждениями респондентов: «относился с меньшим уважением, чем к другим людям»

($r = 0,285$), «вели себя так, как будто они лучше, чем я» ($r = 0,248$), «взламывали мою почту, страницы в социальных сетях и т. д.» ($r = 0,301$), «посылали угрожающие или агрессивные электронные письма либо сообщения» ($r = 0,288$), «прятали что-то от меня» ($r = 0,233$). Вместе с тем рост склонности к виктимизации наблюдается при отрицательной корреляции с физической агрессией сверстников: «толкали, шлепали, наносили удары рукой или пинали ногой» ($r = -0,222$). Ввиду избирательного снижения положительных убеждений относительно себя (только в рамках принятия группой) жертвой становились и по следующим причинам: «я получал хорошие оценки» ($r = 0,254$), «чтобы выплеснуть злость» ($r = 0,272$). Последующий второстепенно возникающий рост негативных установок о мире (как о не-сущем физическую или социальную угрозу) проявляется в повышенной потребности поддержания безопасности [32]. Тенденции соблюдения норм и правил, оказания помощи другим отрицательно коррелируют с возрастной категорией (например, когда испытуемый являлся младшим членом группы либо идентифицировался таковым окружающими): «они считали, что я выгляжу значительно младше» ($r = -0,289$). Реакция личности сопровождалась эмоциональным переживанием ситуации («чувствовал грусть, досаду, отчаяние» ($r = 0,247$), «был испуган, чувствовал тревогу» ($r = 0,258$)), готовностью прибегнуть к психологической помощи ($r = 0,203$) либо к другим нетипизированным в анкете способам совладания ($r = 0,251$).

Ощущение неприятия личности в коллективе компенсаторно повышает значимость признания, полезности для других как наиболее важного аспекта социализации, а также собственную готовность к эмпатии и оказанию помощи. Опыт социального отвержения, депривации потребности в информации, статусно-ролевые деструкции в системе взаимодействия не позволяют чувствовать себя в безопасности. Отмечается, что косвенная виктимизация выступает фактором риска психологических проблем даже в большей степени, чем прямая. Наблюдалось, что в данной группе личность стремилась найти поддержку и обратиться за помощью к специалистам.

В модели самоповреждения и саморазрушения поведение человека коррелирует с инцидентами имущественной виктимизации («забирали что-либо у меня, требовали отдать какие-либо блага» ($r = 0,178$)) и опытом других нетипизированных форм притеснения ($r = 0,177$). По-видимому, лица с повышенной внутренней атрибуцией ответственности менее склонны к обвинению другого индивида и отстаиванию своих интересов даже в вопросах объективных прав, поддерживаемых законом. Вероятно, характерная межличностная дистанцированность также является результатом травмирующего нарушения границ личности или потребительского пользования какой-либо собствен-

ностью. В то же время лица юношеского возраста, отмечающие важность самостоятельности (автономии, самоконтроля) [32], изначально могут быть более восприимчивы ко вторжению в личную зону или посягательству на него.

Агрессия, направленная против себя, снижает вероятность разрядки или проявления эмоций: «был зол, раздражен» ($r = -0,321$). Влияние тех или иных неблагоприятных ситуаций может не обнаруживаться непосредственно в ответных действиях или изменении повседневной активности («мои оценки значительно снизились из-за этого» ($r = -0,323$), «перешел в другую школу (учебное учреждение)» ($r = -0,288$)), что поддерживается также мотивационно-ценностной направленностью на стимуляцию (стремлением к риску, интенсивным переживаниям, нагрузкам, выполнению множества разных дел, установкой планки, не допускающей снижения). Готовность наносить ущерб себе обуславливает возможное развитие суицидальных тенденций, в том числе идей или замыслов покончить с собой ($r = 0,255$).

При стремлении совладать с подавленностью, сохраняя активность, проявляется невозможность позволить себе покой. Ощущение того, что расслабление может вызвать слабость, угнетение, ведет к постоянному стимулированию себя, напряженной деятельности. В то же время допущение риска или поиск опасности (непростых условий) взаимосвязаны со своеобразным удовлетворением, получаемым от функционирования в ситуации полного напряжения. Ощущение полноты жизни, потребность в стимуляции стоят выше, чем комфорт и самосохранение.

Агрессивное виктимное поведение сопряжено с опасностью причинения серьезного физического вреда: «угрожали или нападали с ножом либо с другим оружием» ($r = 0,190$). В подобных случаях с возрастанием агрессивных убеждений связь присутствует и среди невиктимных испытуемых ($r = 0,206$), у виктимных сверстников также наблюдается корреляция и с другими, неуточненными видами опыта ($r = 0,196$). Виктимизация связана с обстоятельством «я пропускал учебу из-за этого» ($r = 0,243$) и скорее исключает основание «получал хорошие оценки» ($r = -0,176$). К ситуативной адаптации приводит активное противодействие жертвы: «реагировал, отбивался, наносил ответный удар» ($r = 0,201$). Неадаптированность порождает готовность терпеть или принимать ситуацию: «терпел, не сопротивлялся» ($r = -0,218$). Однако выявляемые мотивационная тенденция к мазохизму [32] и недифференцированная агрессия несколько повышают вероятность «причинить себе вред или покончить с собой» ($r = 0,185$).

Серьезность угрозы иллюстрирует объективную необходимость реагировать на нее и предпринимать активные действия для защиты. Готовность

придерживаться наступательной модели приводит к устранению эмоционального напряжения и потребности в поддержании самооценки, а не к целенаправленному преодолению препятствия. Выявляемая в мотивационной сфере ориентация на гедонистические идеалы может объяснять также нетерпение к ограничениям.

Предрасположенность к развитию зависимости и беспомощности в большей степени создается высмеиванием личности путем вербальной виктимизации в сочетании с социальной: «говорили мне что-нибудь, что мне не нравилось, чтобы заставить других смеяться, либо потому, что хотели меня расстроить» ($r = 0,419$), «обо мне были придуманы шутки» ($r = 0,457$), «распространяли ложь и неприятные слухи обо мне» ($r = 0,398$), «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» ($r = 0,378$), «обзывали, называли кличками, прозвищами» ($r = 0,384$) и др. Реакция подростков (как виктимных, так и невиктимных) на издевательства над ними сопровождалась чувствами «грусти, досады, отчаяния» ($r = 0,196$ и $r = 0,257$), при этом у виктимных отмечалась фрустрированность («был испуган, чувствовал тревогу» ($r = 0,322$), «был растерян, не знал, что делать» ($r = 0,282$), «мне не удавалось справиться с ситуацией» ($r = 0,196$)), ослабление состояния здоровья и снижение когнитивных способностей («пытался избежать школы, прогуливал занятия» ($r = 0,180$), «обращался за помощью к психиатру» ($r = 0,176$)) и другие неблагоприятные эффекты ($r = 0,269$). В типовой ситуации обнаруживаются основные паттерны возникновения выученной беспомощности, прежде всего отступление от активного сопротивления («пытался избежать столкновения» ($r = 0,251$), «терпел, не сопротивлялся» ($r = 0,283$)) и установка безнадежности относительно получения чьей-либо помощи в прекращении издевательств («никому не говорил, не хотел, чтобы узнали другие» ($r = 0,210$)). В последующем в сходных условиях прослеживается состояние стресса ($r = 0,379$). Отсутствие контроля в процессе издевательств усиливается трудностью прямого устранения избираемых поводов для них: «из-за одежды, которую я носил» ($r = 0,310$), «они считали мое лицо смешным (забавным)» ($r = 0,251$), «из-за кого-либо из членов моей семьи» ($r = 0,246$), «моя семья бедная» ($r = 0,214$), «они считали, что я выгляжу значительно старше» ($r = 0,232$). Преимущественная стабильность акцентируемых отличий содействует самообвинению личности («винил себя» ($r = 0,210$)). Помимо того, высокая склонность к зависимому и беспомощному поведению снижает вероятность определения своего опыта в рамках утверждения «высмеивали по какой-либо причине (смеялись надо мной)» ($r = -0,807$), так как предоставляемая обратная связь значительно меньше воспринимается в качестве неадекватной и намеренно искаженной.

Иррадиация неуспеха на различные ситуации и сферы взаимоотношений, а также отсутствие положительного опыта их разрешения снижают побуждение к активным действиям. Ощущение собственной уязвимости ведет к осознанию неравенства сил, несправедливости, пониманию, что ничего не удастся доказать или будет еще хуже. Пребывание в условиях невозможности постоять за себя или реализовать свои интересы влияет на восприятие дальнейшего взаимодействия.

Высокие показатели склонности к некритичному поведению связаны в основном с запугиванием физической агрессией: «специально сталкивались со мной (врезались в меня), когда проходили мимо» ($r = 0,497$), «ставили мне подножки» ($r = 0,509$), «угрожали причинить физическую боль (побить)» ($r = 0,509$), «угрожали или нападали с ножом либо другим оружием» ($r = 0,455$). Возрастание некритичности также отмечается во взаимосвязи с оглашением информации частного характера: «отправляли мою личную электронную почту либо сообщения кому-то еще» ($r = 0,187$) и другими инцидентами ($r = 0,203$). Несмотря на то что для защиты выбиралось поддержание дистанции («пытался избежать столкновения» ($r = 0,438$)), адаптация к постоянству сигналов угрозы способствовала снижению восприимчивости к небезопасности ситуации. В модели виктимной некритичности как склонности к ошибочной интерпретации обстоятельств атрибуция ответственности вовне усиливает стресс в похожих ситуациях ($r = 0,216$). Латентно накапливающийся аффект может обусловить непродуманные действия или внезапное побуждение причинить себе вред или покончить с собой ($r = 0,183$). Как причиной уклонения личности от прямых действий, так и поводом для выбора ее жертвой могут выступать и другие особенности внешности. Например, отмечалась обратная корреляция с описанием «я слишком высокий» ($r = -0,204$).

Снижение рефлексивности препятствует получению полной картины реальности, повышая вероятность ошибочных действий. При стрессовых нарушениях периодическое воспроизведение тех или иных условий ведет к постепенному отключению процессов когнитивной оценки и автоматизации реакции на аналогичные ситуации. В то же время при склонности к неверной оценке ситуации хронификация неуспеха (отсутствие совпадения предвиденного образа адаптивного поведения и результата собственных действий) обуславливает снижение самооффективности, внешний локус контроля и, как следствие, редукцию целенаправленного поведения. Помимо того, формирование некритичности частично можно объяснить проявлением у подростков тенденции к гиперактивности и дефициту внимания, которая выражается в снижении восприимчивости к слабым стимулам, включая признаки опасности.

Заключение

Результаты иллюстрируют взаимосвязь поведенческой перестройки и факторов проблемной ситуации. Модель поведения личности соответствует индивидуальному опыту и полученной обратной связи.

Самоповреждение сопряжено с пребыванием адаптационных резервов в условиях перегруженности, тогда как стремление к автономии и обособлению является следствием либо причиной внимания к фактам имущественной виктимизации. Агрессивное поведение проявляется в качестве активного противостояния при воспринимаемой угрозе насилия или правонарушения. Зависимость и беспомощность связаны с высмеиванием личности в отношении не поддающихся непосредственному изменению причин, а также закреплением

отсутствия контроля и отказа от противодействия. Некритичное поведение возникает при запугивании (в виде угроз) как игнорирование риска или социальной информации вследствие привыкания к сигналам опасности. Гиперсоциальное поведение представляет реакцию личности на агрессию в области социального принятия, связанную с эмоциональным переживанием опыта и потребностью в помощи.

Таким образом, закрепившаяся модель виктимного поведения, являясь личностной чертой, отражает факторы ситуации, в условиях которых она была сформирована и на которые была ориентирована. Другими словами, можно говорить о функциональности черт личности, выработанных в рамках соответствующей ситуации.

Библиографические ссылки

1. Фурманов ИА. Генезис расстройств поведения и приспособительных реакций: аффективно-динамическая модель агрессии. *Медицинская психология в России* [Интернет]. 2016 [процитировано 30 июня 2020 г.];4(39). Доступно по: http://mprj.ru/archiv_global/2016_4_39/nomer02.php.
2. Яценко ТЕ. Психологическая сущность категории «Виктимное поведение» с позиции субъектно-средового подхода. *Вестник БарГУ. Серия Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки (литературоведение)*. 2019;7:127–134.
3. Фурманов ИА, Аладьин АА, Ананенко АА, Мицкевич ЖИ, Правдинцев ВВ, Янчук ВА. *Общественное исследование по оценке ситуации с насилием в отношении детей в Республике Беларусь*. Минск: В.И.З.А ГРУПП; 2012. 156 с.
4. Фурманов ИА. Виктимизация школьников со стороны одноклассников. *Вестник БДУ. Серия 3. Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права*. 2011;3:50–54.
5. Sinclair KR. Impact of physical and relational victimization on self-cognitions in children and adolescents [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 47 p. Available from: https://etd.library.vanderbilt.edu/available/etd-03222011-154741/unrestricted/K_Sinclair_Thesis.pdf.
6. Attar-Schwartz S, Houry-Kassabri M. Indirect versus verbal forms of victimization at school: the contribution of student, family, and school variables. *Social Work Research*. 2008;32(3):159–170. DOI: 10.1093/swr/32.3.159.
7. Jackson CL, Hanson RF, Amstadter AB, Saunders BE, Kilpatrick DG. The longitudinal relation between peer violent victimization and delinquency: results from a national representative sample of U.S adolescents. *Journal of Interpersonal Violence*. 2013;28(8):1596–1616. DOI: 10.1177/0886260512468328.
8. Kuhl DC, Warner DF, Wilczak A. Adolescent violent victimization and precocious union formation. *Criminology*. 2012;50(4):1089–1127. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2012.00288.x.
9. Фурманов ИА. Буллинг в белорусской школьной среде. В: Кухтова НВ, Шингаев СМ, редакторы. *Буллинг в условиях образовательной среды: межкультурный аспект*. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова; 2018. с. 90–97.
10. Fredlund C, Svedin CG, Priebe G, Jonsson LS, Wadsby M. Self-reported frequency of sex as self-injury (SASI) in a national study of Swedish adolescents and association to sociodemographic factors, sexual behaviours, abuse and mental health. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2017;11(9):1–11. DOI: 10.1186/s13034-017-0146-7.
11. Dahlqvist HZ, Landstedt E, Young R, Gådin KG. Dimensions of peer sexual harassment victimization and depressive symptoms in adolescence: a longitudinal cross-lagged study in a Swedish sample. *Journal of Youth and Adolescence*. 2016;45(5):858–873. DOI: 10.1007/s10964-016-0446-x.
12. Veiskarami HA, Zangiabadi M, Hosseini S, Salimy H. Comparative analysis of verbal victimization among male and female high school students in Iran. *International Journal of Life Sciences*. 2015;9(3):13–17. DOI: 10.3126/ijls.v9i3.12460.
13. Фурманов ИА, Дементий ЛИ, Купченко ВЕ. Виктимизация школьников со стороны сверстников (на примере российской и белорусской выборок). *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2015;2:30–38.
14. Finkelhor D, Turner NA, Hamby S. Let's prevent peer victimization, not just bullying. *Child Abuse and Neglect*. 2012;36(4):271–274. DOI: 10.1016/j.chiabu.2011.12.001.
15. Norris FH, Kaniasty K. Psychological distress following criminal victimization in the general population: cross-sectional, longitudinal, and prospective analyses. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1994;62(1):111–123. DOI: 10.1037/0022-006X.62.1.111.
16. Фурманов ИА, Купченко ВЕ. Личностные особенности и переживание насилия со стороны сверстников как факторы суицидального риска у подростков. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2018;2:38–46. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.2.38-46
17. Klem JL, Klem T, Parrish MS, Brown DR. Relational, indirect, and social aggression: alleviating gender bias in the diagnosis of conduct disorder. *The Internet Journal of Mental Health*. 2008;5(2):1–9. DOI: 10.5580/116e.
18. Archer J, Coyne S. An integrated review of indirect, relational, and social aggression. *Personality and Social Psychology Review*. 2005;9(3):212–230. DOI: 10.1207/s15327957pspr0903_2.

19. McVean ML. Physical, verbal, relational and cyber-bullying and victimization examining the social and emotional adjustment of participants [Internet]. 2017 [cited 2020 June 30]. Available from: <https://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8094&context=etd>.
20. Wolke D, Lereya ST. Long-term effects of bullying. *Archives of Disease in Childhood*. 2015;100(9):879–885. DOI: 10.1136/archdischild-2014-306667.
21. Miller RN, Fagan AA, Wright EM. The moderating effects of peer and parental support on the relationship between vicarious victimization and substance use. *Journal of Drug Issues*. 2014;44(4):362–380. DOI: 10.1177/0022042614526995.
22. Zimmerman GM, Posick C. Risk factors for and behavioural consequences of direct versus indirect exposure to violence. *American Journal of Public Health*. 2016;106(1):178–188. DOI: 10.2105/AJPH.2015.302920.
23. Gollwitzer M, Süßenbach P, Hannuschke M. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity. *Frontiers in Psychology*. 2015;6(439):1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00439.
24. Pinchevsky GM, Fagan AA, Wright EM. Victimization experiences and adolescent substance use: does the type and degree of victimization matter? *Journal of Interpersonal Violence*. 2014;29(2):299–319. DOI: 10.1177/0886260513505150.
25. Музыченко ДС. Факторы среды в виктимном поведении. *Вестник Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі*. 2020;1(55):53–62.
26. Fite PJ, Gabrielli J, Cooley JL, Rubens SL, Pederson CA, Eric M. Vernberg Associations associations between physical and relational forms of peer aggression and victimization and risk for substance use among elementary school-age youth. *Journal of Child and Adolescent Substance Abuse*. 2016;25(1):1–10. DOI: 10.1080/1067828X.2013.872589.
27. Litwiller BJ, Brausch AM. Cyber bullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013;42(5):675–684. DOI: 10.1007/s10964-013-9925-5.
28. Finkelhor D, Ormrod R, Turner H, Hamby SL. The victimization of children and youth: a comprehensive, national survey. *Child Maltreatment*. 2005;10(1):5–25. DOI: 10.1177/1077559504271287.
29. Lundh LG, Daukantaite D, Wangby-Lundh M. Direct and indirect aggression and victimization in adolescents – associations with the development of psychological difficulties. *BMC Psychology*. 2014;2(43):1–15. DOI: 10.1186/s40359-014-0043-2.
30. Cole DA, Zerkowicz R, Nick E, Martin NC, Roeder KM, Sinclair-McBride K, et al. Longitudinal and incremental relation of cybervictimization to negative self-cognitions and depressive symptoms in young adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2016;44(7):1321–1332. DOI: 10.1007/s10802-015-0123-7.
31. Hamburger ME, Basile KC, Vivolo AM. Measuring bullying victimization, perpetration, and bystander experiences: a compendium of assessment tools [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 119 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/50844676_Measuring_Bullying_Victimization_Perpetration_and_Bystander_Experiences_A_Compendium_of_Assessment_Tools.
32. Музыченко ДС. Риск виктимизации в юношеском возрасте. *Зборнік навуковых прац Акадэміі паслядыпломнай адукацыі*. 2019;17:245–261.

References

1. Furmanov IA. Genesis of behavioural disorders and adaptive reactions: an affective and dynamic model of aggression. *Medycinskaâ psichologiâ v Rossii* [Internet]. 2016 [cited 2021 June 30];4(39). Available from: http://mprj.ru/archiv_global/2016_4_39/nomer02.php. Russian.
2. Yatsenko TE. Psychological essence of the category «Victim behaviour» from the position of the subject-environmental approach. *BarGU Herald. Series Education. Psychology. Philology (Literary Studies)*. 2019;7:127–134. Russian.
3. Furmanov IA, Aladin AA, Ananenko AA, Mitskevich ZhI, Pravdintsev VV, Yanchuk VA. *Obshhenacional'noe issledovanie po ocenke situacii s nasiliem v otnoshenii detej v Respublike Belarus'* [National study on assessing the situation with violence against children in the Republic of Belarus]. Minsk: V.I.Z.A GRUPP; 2010. 156 p. Russian.
4. Furmanov IA. Victimization of schoolchildren by classmates. *Vesnik BDU. Serija 3. Gistoryja. Filasofija. Psihologija. Pa-litalogija. Sacyjalogija. Jekanomika. Prava*. 2011;3:50–54. Russian.
5. Sinclair KR. Impact of physical and relational victimization on self-cognitions in children and adolescents [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 47 p. Available from: https://etd.library.vanderbilt.edu/available/etd-03222011-154741/unrestricted/K_Sinclair_Thesis.pdf.
6. Attar-Schwartz S, Khoury-Kassabri M. Indirect versus verbal forms of victimization at school: the contribution of student, family, and school variables. *Social Work Research*. 2008;32(3):159–170. DOI: 10.1093/swr/32.3.159.
7. Jackson CL, Hanson RF, Amstadter AB, Saunders BE, Kilpatrick DG. The longitudinal relation between peer violent victimization and delinquency: results from a national representative sample of U.S adolescents. *Journal of Interpersonal Violence*. 2013;28(8):1596–1616. DOI: 10.1177/0886260512468328.
8. Kuhl DC, Warner DF, Wilczak A. Adolescent violent victimization and precocious union formation. *Criminology*. 2012;50(4):1089–1127. DOI: 10.1111/j.1745-9125.2012.00288.x.
9. Furmanov IA. Bullying in the Belarusian school environment. In: Kuhtova NV, Shingaev SM, editors. *Bulling v uslovi-yakh obrazovatel'noi sredy: mezhkul'turnyi aspekt* [Bullying in the educational environment: an intercultural aspect]. Vitebsk: Vitebsk State University named after P. M. Masherov; 2018. p. 90–97. Russian.
10. Fredlund C, Svedin CG, Priebe G, Jonsson LS, Wadsby M. Self-reported frequency of sex as self-injury (SASI) in a national study of Swedish adolescents and association to sociodemographic factors, sexual behaviors, abuse and mental health. *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. 2017;11(9):1–11. DOI: 10.1186/s13034-017-0146-7.
11. Dahlqvist HZ, Landstedt E, Young R, Gådin KG. Dimensions of peer sexual harassment victimization and depressive symptoms in adolescence: a longitudinal cross-lagged study in a Swedish sample. *Journal of Youth and Adolescence*. 2016;45(5):858–873. DOI: 10.1007/s10964-016-0446-x.

12. Veiskarami HA, Zangiabadi M, Hosseini S, Salimy H. Comparative analysis of verbal victimization among male and female high school students in Iran. *International Journal of Life Sciences*. 2015;9(3):13–17. DOI: 10.3126/ijls.v9i3.12460.
13. Furmanov IA, Dementiy LI, Kupchenko VE. Pupils victimization by peers (for example Russian and Belarusian samples). *Herald of Omsk University. Series «Psychology»*. 2015;2:30–38. Russian.
14. Finkelhor D, Turner HA, Hamby S. Let's prevent peer victimization, not just bullying. *Child Abuse and Neglect*. 2012;36(4):271–274. DOI: 10.1016/j.chiabu.2011.12.001.
15. Norris FH, Kaniasty K. Psychological distress following criminal victimization in the general population: cross-sectional, longitudinal, and prospective analyses. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1994;62(1):111–123. DOI: 10.1037/0022-006X.62.1.111.
16. Furmanov IA, Kupchenko VE. Personal features and experience of violence from the parties as a factor of suicidal risk in adolescents. *Herald of Omsk University. Series «Psychology»*. 2018;2:38–46. DOI: 10.25513/2410-6364.2018.2.38-46. Russian.
17. Klem JL, Klem T, Parrish MS, Brown DR. Relational, indirect, and social aggression: alleviating gender bias in the diagnosis of conduct disorder. *The Internet Journal of Mental Health*. 2008;5(2):1–9. DOI: 10.5580/116e.
18. Archer J, Coyne S. An integrated review of indirect, relational, and social aggression. *Personality and Social Psychology Review*. 2005;9(3):212–230. DOI: 10.1207/s15327957pspr0903_2.
19. McVean ML. Physical, verbal, relational and cyber-bullying and victimization examining the social and emotional adjustment of participants [Internet]. 2017 [cited 2020 June 30]. Available from: <https://scholarcommons.usf.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=8094&context=etd>.
20. Wolke D, Lereya ST. Long-term effects of bullying. *Archives of Disease in Childhood*. 2015;100(9):879–885. DOI: 10.1136/archdischild-2014-306667.
21. Miller RN, Fagan AA, Wright EM. The moderating effects of peer and parental support on the relationship between vicarious victimization and substance use. *Journal of Drug Issues*. 2014;44(4):362–380. DOI: 10.1177/0022042614526995.
22. Zimmerman GM, Posick C. Risk factors for and behavioral consequences of direct versus indirect exposure to violence. *American Journal of Public Health*. 2016;106(1):178–188. DOI: 10.2105/AJPH.2015.302920.
23. Gollwitzer M, Süßenbach P, Hannuschke M. Victimization experiences and the stabilization of victim sensitivity. *Frontiers in Psychology*. 2015;6(439):1–12. DOI: 10.3389/fpsyg.2015.00439.
24. Pinchevsky GM, Fagan AA, Wright EM. Victimization experiences and adolescent substance use: does the type and degree of victimization matter? *Journal of Interpersonal Violence*. 2014;29(2):299–319. DOI: 10.1177/0886260513505150.
25. Muzychenko DS. [Environment factors in victim behaviour]. *Vesnik Magiljovskaga dzjarzhavnaga universitjeta imja A. A. Kuljashova. Seryja C. Psiholaga-pedagogichnyja navuki*. 2020;1(55):53–62. Russian.
26. Fite PJ, Gabrielli J, Cooley JL, Rubens SL, Pederson CA, Eric M. Vernberg Associations associations between physical and relational forms of peer aggression and victimization and risk for substance use among elementary school-age youth. *Journal of Child and Adolescent Substance Abuse*. 2016;25(1):1–10. DOI: 10.1080/1067828X.2013.872589.
27. Litwiller BJ, Brausch AM. Cyber bullying and physical bullying in adolescent suicide: the role of violent behavior and substance use. *Journal of Youth and Adolescence*. 2013;42(5):675–684. DOI: 10.1007/s10964-013-9925-5.
28. Finkelhor D, Ormrod R, Turner H, Hamby SL. The victimization of children and youth: a comprehensive, national survey. *Child Maltreatment*. 2005;10(1):5–25. DOI: 10.1177/1077559504271287.
29. Lundh LG, Daukantaite D, Wangby-Lundh M. Direct and indirect aggression and victimization in adolescents – associations with the development of psychological difficulties. *BMC Psychology*. 2014;2(43):1–15. DOI: 10.1186/s40359-014-0043-2.
30. Cole DA, Zelkowitz R, Nick E, Martin NC, Roeder KM, Sinclair-McBride K, et al. Longitudinal and incremental relation of cybervictimization to negative self-cognitions and depressive symptoms in young adolescents. *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2016;44(7):1321–1332. DOI: 10.1007/s10802-015-0123-7.
31. Hamburger ME, Basile KC, Vivolo AM. Measuring bullying victimization, perpetration, and bystander experiences: a compendium of assessment tools [Internet]. 2011 [cited 2020 June 30]. 119 p. Available from: https://www.researchgate.net/publication/50844676_Measuring_Bullying_Victimization_Perpetration_and_Bystander_Experiences_A_Compendium_of_Assessment_Tools.
32. Muzychenko DS. [Risk of victimization in youthful age]. *Zbornik navukovyh prac Akadjemii pasljadyplomnaj adukacyi*. 2019;17:245–261. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.10.2021.
Received by editorial board 06.10.2021.